

Иоанновский ставропигиальный женский монастырь города Санкт-Петербурга

Официальный сайт монастыря (<http://imonspb.ru>)

Как научиться оказывать послушание с радостью и желанием сердца. Игуменья Домника (Коробейникова)

Доклад игуменни Домники (Коробейниковой), настоятельницы Александро-Невского Ново-Тихвинского женского монастыря в Екатеринбурге на круглом столе «Добродетель послушания в современных монастырях: практические аспекты» (Воскресенский Новодевичий женский монастырь Санкт-Петербурга, 2-3 июля 2018 года)

Ваше Высокопреосвященство, всечестные отцы и матери, благословите!

В начале своего сообщения мне хочется вспомнить притчу Спасителя о птицах небесных и лилиях полевых. Один проповедник задается вопросом: почему Господь ставит нам в пример не человека, а птиц и лилии? Потому что среди людей Господь не нашел ни одного, кто жил бы без тревоги и беспокойства. И потому Он указал на цветы и птиц, говоря: «Если уж о них Бог печется, неужели о вас, Своих детях, не позаботится? Так не тревожьтесь же ни о чем!» И подлинно откликаются на эти слова монахи. В монашеской жизни есть добродетель, которая делает человека свободным от забот, беспопечительным. Что это за добродетель? Преподобный

Иоанн Лествичник говорит о ней: «Блажен, кто волю свою умертвил совершенно: он стяжал беспопечительность». Иначе говоря, блажен тот, кто предал себя в послушание.

Мне хочется вспомнить один рассказ митрополита Афанасия Лимассольского, как он в свое время учился этой добродетели: «Когда в юности я решил стать монахом, я начал искать старца, который имел бы умную молитву. Преподобный Паисий посоветовал мне поехать к старцу Иосифу, ставшему впоследствии Ватопедским. Я спросил: “А он знает, как творить умную молитву?” Старец Паисий засмеялся и ответил: “Если другие отцы – учителя этой молитвы, то старец Иосиф – доктор наук”. Когда я приехал к старцу, я думал, что он сразу посадит меня в келью, даст мне огромные-преогромные четки и велит непрестанно молиться. А вместо этого он дал мне ведро со шваброй и отправил мыть трапезную. Мне хотелось возразить: “Так ведь я пришел сюда молиться, а не пол мыть!” Но противоречить старцу было невозможно. Если бы я позволил себе хоть слово, он выставил бы меня за дверь».

Так с первого дня своей монашеской жизни владыка Афанасий узнал, с чего начинается подлинное монашество – с послушания.

И можно целый доклад посвятить тому, как научить монаха правильно мыть пол. Это действительно очень серьезный вопрос, от которого зависит преуспевание монаха и всего братства. И конечно, вы понимаете, что речь не о том, как вымыть пол чисто, а о том, с каким духом монахи призваны исполнять послушание.

Представим себе такую ситуацию, обычную в монастырской жизни. Монаху совершенно неожиданно дают поручение: подмести двор или пойти на клирос петь, или послужить гостям на трапезе. Если в монастыре любой монах моментально, с радостью соглашается, то можно только порадоваться за такое братство, в котором царит подлинный монашеский дух; среди этих братьев истинно присутствует Бог. Но мы знаем, что не всегда бывает так. Порой в ответ на поручение у монаха могут возникнуть помыслы: «А почему я? Разве больше некому?» Или, как только что мы слышали: «Я ведь пришел сюда молиться, а не полы мыть!» Или монаху говорят пойти помыть посуду, а он тут же показывает недовольство, хмурится. И при этом ему и в голову не приходит, что это грех. Он думает, что это естественная реакция. А на самом деле, для монаха это падение. Можно сказать, этим он перечеркивает всю свою духовную жизнь! Один современный старец говорит: «Мы видели монахов, которые ревностно начали свой путь, но в душе у них была трещинка: они порой роптали на послушании. Духовные отцы им говорили: “Остерегись этого сорняка”. Но они не слушали, и маленький сорняк превращался в огромные заросли, которые уничтожали все вокруг».

Исполнение послушания с ропотом, огорчением – один из самых опасных сорняков в духовной жизни. Почему? Потому что он растлевает главную силу человека – его свободную волю – и обращает ее на зло.

Человеческая воля – это могучее оружие. Она дана человеку как щит и меч. И как воин должен уметь пользоваться оружием, так и для монаха жизненно важно искусно управлять своей волей: как щитом ограждать себя от греха и как мечом посекать греховные помыслы. Он призван противостоять греху с большой силой – именно как воин с оружием в руках! Если же монах этого не делает, не следит за тем, куда склоняется его свободная воля, то она, вместо того чтобы служить ему оружием, может превратиться в дикого, злобного пса. Преподобный Исихий Иерусалимский говорит об этом: «Видел я одного пса, который, взбесившись, наравне с волком терзал овец». Воля действительно может взбунтоваться, если монах не научится умело управлять ею. И тогда все его внутренние силы – раздражительная, вождевательная, умная – придут в неистовство. Поэтому монах призван постоянно, сознательно направлять свою волю к добру, искать Христа всеми своими силами, чтобы не попасть в тяжкое рабство, то есть в

рабство своему эгоизму.

В самом деле, разве это не рабство, когда из-за маленького замечания или просьбы человек чувствует, как внутри у него что-то сжимается, и все становится для него мрачным, так что он забывает о Боге, и его душа поникает к земле? Разве это не значит, что внутри у него притаился враг, то есть грех, страсть? Один современный старец, опытный игумен, приводит такой пример: «Человек огорчается, когда что-то происходит не по его воле или когда его принуждают делать то, что ему не нравится. Например, игумен говорит брату: “Оставь это послушание и иди на другое”. Брат тотчас унывает и печалится, потому что это идет вразрез с его мнением, его взглядами. “Зачем, отче, вы меня переводите? – спрашивает он игумена. – Я радуюсь своему послушанию, разбираюсь в нем. А то, которое вы мне предлагаете, я не понимаю и не хочу!” Печаль возникает, когда задевают наше “я”. И в сущности печаль происходит не от того, что нам сделал другой человек, а от того, что сидит внутри нас: от нашего мнения, желания, которое ближний не исполняет, в котором нам отказывает».

Люди склонны видеть причину своих огорчений в чем-то внешнем. Но истинная причина обычно таится внутри человека. И монах призван приобрести духовную зоркость и научиться видеть, отчего действительно возникает огорчение, от каких внутренних причин: может быть, от того что есть излишняя привязанность к какому-то делу или желание настоять на своей воле, то есть в нём присутствует некая внутренняя несвобода. Духовно свободный человек способен принять мнение или волю ближнего, его воля гибка, покорна. В ближнем он видит Христа и свободно покоряется ему. А человек, который не имеет внутренней свободы, держится за свои желания и представления. При этом он парадоксальным образом любит свою несвободу, не хочет с ней расстаться. Он настолько привыкает к внутреннему рабству, что это состояние кажется ему естественным. Один старец говорит об этом: «Мы разговариваем с другими людьми и внутренне противимся им, упорно стоим на своем, заведомо не желая ничего слушать. И все потому, что мы любим свою несвободу. Страшное рабство! Самое худшее рабство из всех существующих. Лучше быть рабами какого-нибудь турецкого аги, чем оставаться духовно несвободными!»

Действительно, самое худшее рабство – это рабство внутреннее, когда человек не хочет ради Господа лишиться своего покоя или от своего мнения, когда он не способен исполнить желание ближнего или принять его точку зрения. Все это говорит о том, что человек находится в узах своего самолюбия. Святитель Иоанн Златоуст рисует портрет такого человека: «Вообрази себе самолюбивого. Каких только зол не исполнен он? Тот, кто уязвлен в душе этой страстью, – ропотлив, презрителен к ближнему, надменен, непослушен. Говорят ему сделать то или иное – он противится. Велят ему перейти с одного места на другое – он зазирает повелевшего. Просят его об услуге – он отказывает с пренебрежением». Таков человек, не умеющий искусно управлять своей волей. В конце концов он может впасть в такое состояние, что не будет способен потерпеть ничего. Все в монастырской жизни станет ему в тягость, все будет вызывать недовольство. Куда он ни пойдет, везде у него будут возникать смущения: «Братья не подвизаются, службы сокращают, келий не хватает, дверями хлопают. Никаких условий для духовной жизни!» И все эти помыслы – это отголосок ветхого «я».

Однако Господь никогда не перестает стучаться в сердце монаха и подает ему множество случаев в повседневной жизни, чтобы он мог освободиться от этого внутреннего рабства и со свободой предстоять пред Богом. Например, приходит монах к игумену и говорит: «Мне нужно доделать одну работу! Очень срочную и очень важную! А меня просят выйти в трапезную. Можно я не пойду?» Игумен отвечает: «Нет, ты все же пойдешь, помоги. Работу можно доделать завтра». Монах чувствует внутри горечь и смущение: «Игумен меня не понял! Не объяснить ли ему еще раз?» Брат уже все решил сам, и отказ игумена для него – словно стена, выросшая на

его пути. Его воля натолкнулась на эту стену, и он чувствует внутреннюю боль. Что ему теперь делать? Как исполнить благословение игумена с радостью? Как ему захотеть того, чего он не хочет?

Конечно, он не может в один миг изменить свое сердечное расположение. Но для начала он призван хотя бы удерживаться от греха на деле. То есть хотя бы внешне вести себя так, чтобы не обнаружить свое недовольство и ничем, ни взглядом, ни жестом, ни словом не огорчить ближнего. Тяжкий грех для монаха исполнять послушание с хмурым лицом и ропотом, огорчая окружающих. Один старец говорит об этом откровенно: «Исполнять послушание на кухне с плохим настроением, когда тебя зовут туда помочь, – это значит показывать грубость и дикость своей души».

Показывая недовольство, монах теряет прекрасную возможность преуспеть. Ведь именно сейчас, в ту минуту, когда ему дается какое-то поручение, он может сказать Богу, что он Его любит! У него должна быть внутренняя установка – никогда не воспринимать обстоятельства или ближних как препятствие. Жизнь полна неожиданностей. Невозможно человеку устроиться так, чтобы никто не доставлял ему неудобства и ему никогда не приходилось бы отсекаать свою волю. Весь вопрос в том, как монах относится к таким ситуациям – понимает ли он, что, если их не будет, то подлинного преуспевания ему не достичь, и все прочие его подвиги – пост, чтение, даже молитва – потеряют смысл.

Владыка Афанасий Лимассольский приводит интересный пример: «Есть такие монахи и монахини, которые строго верны своим монашеским обязанностям, всегда полностью исполняют свое правило, ходят на все службы, постятся, но при этом остаются немощными людьми, с которыми всем трудно, которые не могут никого послушаться. Скажи им только: “Подвинься”, они сразу хмурятся. И думаешь: они целый день молятся и не могут понести одного слова?! Какой же смысл в их молитве? Как можно целый день произносить сладкое имя Христово и при этом хмуриться и сердиться?!»

Действительно, когда человек все свои внутренние переживания сразу выплескивает, показывает свое настроение, это значит, что он в этот момент оставил духовную жизнь, перестал трезвиться. Он забыл в этот момент о Боге. Тогда как противоположное поведение, то, что человек не обнаруживает свои страсти, свидетельствует, что он в сердце ведет борьбу, совершает внутренний подвиг. И хотя он еще не одержал полную победу, но понуждает себя ради Царства Небесного. По словам преподобного Исихия Иерусалимского, именно «те, которые понуждают себя удерживаться от греха на деле, блаженны пред Богом и людьми, ибо они есть употребляющие усилие ради Царствия Небесного».

Не обнаружить внешне свои помыслы – это уже начало победы. И эта борьба имеет великую цену пред Богом. Но конечно, останавливаться на этом нельзя. Человек какое-то время может удерживаться от греха на деле. Но если при этом у него внутри, в уме и сердце остается несогласие, огорчение, противление, то настанет такой день, когда он не выдержит и выплеснет свое греховное состояние наружу. Потому что когда человек носит в себе огорчение, то его душа постепенно истаивает, лишается сил, дерзновения. Один старец очень точно описывает это: «Если монах хочет что-то сделать, а игумен говорит ему: “Я тебе запрещаю”, то монах, конечно, послушается, но если при этом он в сердце не соглашается, то внутри у него начинается разложение, распад. Как тает снег, так тает и его душа. И когда-нибудь такое неискusstное, не настоящее послушание приведет к тому, что его нервы сдадут, душа затоскует, воспротивится, возненавидит, осудит и скажет: “Тридцать лет я в послушании, а где же плоды? Я ничего не чувствую!” Чем дальше, тем больше его душа мельчает, теряет силы и чахнет. Мы стараемся его поддержать и утешить, даем ему что-то вкусное, берем в поездку, но он все равно унывает. Ничто не идет ему на пользу». Таков результат, когда человек слушается

только внешне, а в сердце скорбит, имеет несогласие. И поэтому монах призван изо всех сил бороться с огорчением, изгонять печаль из своего сердца.

При внешнем подвиге ему необходимо сразу же приступить к внутреннему, то есть к молитве. Как священник возвышает святой потир и дискос и произносит: «Твоя от Твоих Тебе приносяще...», так и монах призван каждый день в своей повседневной жизни совершать литургию, то есть служение Богу, и обеими руками поднимать к небу двухчастную жертву: безупречное внешнее послушание и внутреннее, сердечное повиновение, соединенное с молитвой. И если внешний образ поведения в какой-то мере зависит от человека, то страсти он не в силах истребить никаким размышлением, никаким усилением воли. Страсти исцеляются только благодатью Божией. И поэтому, как наставляет один современный духовник, «[если тебе трудно послушаться,] не размышляй, а начни молиться. Если ты постарайся с помощью Господа Иисуса немедленно изглаживать из ума всякий прилог, тогда ты обретешь сладость, тишину, мир, покой. Бог богат и всё подает тебе в ответ на твою молитву. Поэтому, и когда ты грешишь, и когда скорбишь, замени свою скорбь, трудность, недовольство, мирской дух – всё это замени богоносной молитвой, которая всегда приносит мир».

Если монах старается изгнать из своего сердца огорчение с помощью молитвы, то он тем самым исполняет евангельскую заповедь: *Аще кто тя поймет по силе поприще едино, иди с ним два* (Мф. 5:41). Первое поприще он проходит, когда внешне исполняет послушание. А второе поприще совершает в своем сердце, когда старается внутренне принять волю другого человека, отвергая молитвой всякий смущающий помысел. Конечно, на этом поприще монах иногда претерпевает мученичество. Самая большая скорбь для него – когда он искренне хочет послушаться, а видит в себе сопротивление, гордость и ощущает себя бессильным что-либо сделать! Но если он мужественно претерпит эту борьбу, если в этот час скажет себе: «Я буду творить послушание, я не отступлю», и при этом будет молиться, то благодать Божия обязательно укрепит его, подаст ему плоды Духа Святого: радость и мир. Молитва – главная помощь монаху в деле послушания. Она – лекарство от всякой печали и огорчения.

Послушание дорого обходится для нашего ветхого человека, но именно в этом его главная сила: послушание наносит раны нашим страстям, нашему нерадению, нашей инертности. Как плуг врезается в землю, откидывая направо и налево целые пласты, чтобы семя упало глубоко, так точно и послушание возделывает сердце монаха, чтобы в него глубоко легло семя – Слово Божие, вошел Сам Христос. И когда Господь входит, тогда исчезают все проблемы.

Так послушание открывает для монаха всю глубину духовной жизни. Благодаря послушанию, монах даже в самом простом труде обретает Бога, в любом деле чувствует Его живое присутствие и видит, что ничего ничтожного, мелкого и незначительного в его жизни нет. Вся его повседневная жизнь становится богословием. Преподобный Силуан Афонский говорил: «Ходит монах по земле и работает руками, и никто не знает и не видит, что духом он пребывает в Боге вечном».

Таким делает монаха сердечное послушание. И самая важная миссия игумена – научить братьев совершенному послушанию, не только внешнему, но и внутреннему. Мне хочется рассказать историю, которая произошла в наши дни. В одной обители игумен благословил всем братьям выйти на общие работы – собирать оливки. Шел дождь, и некоторые братья стали говорить между собой: «Зачем выходить в такую сырую погоду? Давайте выйдем позже». И они вышли на работы только на следующий день. Узнав об этом, игумен сказал: «Мокрой погоды боитесь? Хорошо. Сбора оливок в этом году не будет. Расходитесь по своим послушаниям. Возьмите в кассе деньги и купите оливкового масла на год. А если денег не хватит, ничего страшного, поедим в этом году без масла». И действительно, в том году все оливки остались на деревьях. Некоторые люди изумлялись этому поступку игумена, но он сказал им: «Что нам

дороже, оливки или духовная жизнь? Лучше погубить один урожай оливок, чем навсегда погубить монашеский дух в обители. Что я за отец, если не научу братий послушанию? Я буду в таком случае не пастырь, а волк, разоряющий стадо!»

Этот случай был совсем недавно. Значит, и в наши дни возможно истинное послушание. И не только возможно, но и необходимо; без него монастырь просто не может жить.

Кто-то может сказать: «Да, мы все это знаем, мы об этом читали. Но что делать, если у нас духовная жизнь еще не наладилась, и игумен не имеет большого духовного опыта? Как в таких условиях оказывать сердечное послушание?» Действительно, может возникнуть такой вопрос. И что в подобной ситуации делать монаху? Унывать? Жить самостоятельно, никому не подчиняясь? Но на самом деле, нет такого места, где монах не мог бы освятиться через послушание. Если он творит послушание с терпением, жертвенным духом, молитвой, то он не только сам освящается, но и создает вокруг себя подлинно монашескую, духовную атмосферу. Рядом с ним меняются и другие братья, и сам игумен. Как говорит один старец, два или три настоящих послушника могут дать монастырю новую жизнь! И вообще монастырь не может существовать, если в нем не будет таких послушников с жертвенным духом, так же как Церковь не может существовать без мучеников.

Именно послушание дает монастырю жизнь. И этим монастырь и отличается от мира. Молиться можно и в миру, творить евангельские добродетели можно и в миру. Но совершенное послушание, свободное и радостное повиновение с полным отвержением своей воли возможно только в монастыре. Именно так освящается монах и именно благодаря послушанию монастырь превосходит этот мир, и вся жизнь монахов наполняется духом беспопечительности, как пишет преподобный Иустин (Попович), воспевая гимн послушанию: «Хочешь, чтобы никакое земное препятствие не смущало твое сердце? И чтобы никакая земная неприятность не была для тебя неприятностью? Есть на свете одно всемогущее, всепобедное таинство...» И дальше он обращается к нам с вами, к современным людям. Вот как он нас вопрошает: «Что это за дивное таинство, скажи мне, брат и отец? Что это за таинство, скажи мне, сестра и мать? Это таинство – послушание. Всякая добродетель есть таинство, но послушание особенно всемогуще и прекрасно. Оно приносит в сердце не только радость и мир, но и истинную надежду на Бога, всецелое упование на Него и беспопечительность обо всем земном. Стяжи послушание. С ним, как с победным стягом в руках, ты одолеешь все неприятности, все препятствия, все смерти, все грехи, всех демонов».

Сердечно благодарю всех за внимание.

Источник: Monasterium.ru

При перепубликации просим ссылаться на первоисточник: Иоанновский ставропигиальный женский монастырь города Санкт-Петербурга <http://imonspb.ru>

Санкт-Петербург, наб. реки Карповки, 45
Проезд: ст. метро "Петроградская"
Телефон: +7-812-234-24-27